Зефиров Федор Николаевич.

Фамилия Зефировых в Симбирской губернии была хорошо известна. В Карсунском музее есть целый стенд, посвященный Зефировым. Это были уважаемые по заслугам, а не по должности люди. Пожалуй, во всей губернии не было такой родовитой фамилии среди духовенства. В большой семье -сколько голов, столько умов. Один из Зефировых вошел в историю нашего края своей причастностью к убийству губернатора Старынкевича в 1906 году. То, что было позором в 1906 году, стало достоинством через 11 лет. Может, это и спасло Зефировых от поголовного уничтожения духовенства в их роду в двадцатых, особенно в тридцатых годах. Сейчас восстановлено в деталях все семейное древо фамилии. И начиная поиск материала о герое очерка, я познакомился с удивительно интересной женщиной Любовью Николаевной Картавцевой, последней из рода Зефировых, живущей сейчас в городе Выборге Ленинградской области. Но и она не смогла помочь мне собрать все нужные сведения об одном из многочисленных отростков мощного фамильного древа. К сожалению, у Федора Николаевича и Татьяны Петровны Зефировых не было детей. И работая в областном архиве, стремясь узнать об интересующем меня человеке, я читал десятки документов о том или ином представителе династии Зефировых. Но не находил ничего о тех, о ком хотел бы узнать. Все они были достойнейшими людьми, но, видимо, Федор Николаевич скромнейший из них. С помощью его учеников, дальних родственников жены Федора Николаевича, с помощью старых подшивок газет я, что называется, «по кирпичику» восстанавливал сведения о нем. И каждый раз удивлялся уникальности этого человека, выбравшего себе профессию учителя, не пошедшего по церковным стопам всех Зефировых.

Почему сын пономаря-дьячка из села Шумовка, окончив духовную семинарию, пошел не в священнослужители, а в учителя, сейчас вряд ли кто объяснит. Ведь это было почти сто лет назад.

Но учителем он стал, как говорят, по милости Божьей. Математика, физика, гигиена и музыка. Наверное, за весь двадцатый век такого учителя в нашем районе и не было. И на его учительскую долю пришлось так много: революции и войны, потрясения от коллективизации и крушения церквей! Колоссальная ломка сознания по пути от частной собственности к коллективной.

И все эти годы он преподавал математику - очень неполитизированную науку. Сохранилась характеристика одного из быстросменяющихся в конце тридцатых годов директоров школы. Он, пожалуй, сумел подметить главное в учителе математики. «Скуп на слова, на мел, на классную доску, но очень добросовестен, к урокам готовился добросовестно, работы добросовестнейшим образом исправляет, дополнительные занятия проводит безотказно самым аккуратным образом. В морально-политическом отношении вполне добросовестный и честный человек. Узость методического кругозора объясняется тем, что он не был ни разу на курсах повышения квалификации. Еще более узким местом у него является марксистско-ленинская методология. Слабо владеет ей». Да, в марксистской идеологии он был не силен. Что уж тут поделать! Откуда ему, сыну дьячка, было постичь эту методологию?

Что добавить к этой емкой характеристике? Может, то, что учитель Зефиров требовал от дежурного по классу, чтоб мелок был аккуратно заточен и краешек, за который его должны были брать, завернут в газетный листочек?

А может, то, что учитель математики десятилетиями хранил тетради своих учеников? Не с сочинениями, а с трафаретными примерами и задачками. Математика была для него музыкой. И он хотел, чтоб его ученики слышали ее. А может, то, что учитель математики вел десятилетиями занятия в струнном кружке, приобщая к музыке десятки сельских пацанов и девчонок? И ему никто за это ничего не платил. Нет, я понимаю, сейчас, в наше время, за все надо платить. Конечно. Но Федор Зефиров жил в другое время. Хотя я, не раздумывая, променял бы свое время на его. Он, учитель математики, с 1910-го по 1956 год - заведующий гидрометеостанцией в селе. Потом передал это дело моему отцу, и мне полтора года пришлось выполнять эту, прямо скажу, нелегкую работу. Когда-то кто-то напишет историю Карлинской метеостанции, которой уже лет 25 как нет.

Вот уж им быть он никак не стремился. Просто грянула революция. Школу отделили от церкви. И заведование школой от протоиерея Сергея Петровского должно было перейти к лицу недуховного сана. История выбрала его, и Зефиров стал директором Карлинской второклассной школы (третьим по счету со дня основания).

А какие были времена! Рушились вековые устои села. Федор Николаевич не мыслил гигантскими категориями. Он хотел, чтоб среди всех перипетий лучше было его школе, его ученикам.

В Поповке национализировали в помещичьей усадьбе фисгармонию. И он добивается, чтоб она попала в школу. В Стоговке краеведческий музей забирает барскую коллекцию картин. Зефиров добивается, чтобы в школу передали все, представляющее ценность.
Он заводит лошадей, так нужных в хозяйстве, начинает выращивать для них клеверное поле за школой. Он разводит с учениками пасеку, хобби, его глубокая любовь. У него и около дома есть своя пасека. Когда началась война, Зефиров в фонд обороны безвозмездно сдает центнеры меда. Без-воз-мезд-но!
Он считал, что школа должна быть центром культуры на селе. И делал все для этого. Даже туалет, до сих пор, кстати, сохранившийся (его он называл ватерклозетом), он держал в таком порядке, в каком, пожалуй, подобные заведения в последующем и не содержались.
Кстати, до сих пор он остался непревзойденным мастером делопроизводства. До сих пор в архиве школы хранятся его протоколы педсоветов, книги приказов, дела учеников и учителей. По ним и сегодня можно бы и должно бы учиться.
Он ценил и берег учителей. Константин Алексеевич Селиванов, чье имя неразрывно свяжется со школой, получал становление у директора Зефирова, который в двадцать девятом заболел. Написал заявление и ушел из директоров. Год не работал. В тридцатом вышел на рядовую работу. Печень берег, но на восемьдесят первом году жизни она его все ж подвела.
Ученики у Зефирова выходили, что называется, штучно. Они становились кандидатами наук, крупными хозяйственниками, поэтами. Миша Тупицын в 41-м году возглавляет Брестский обком партии, Маша Червякова станет замечательным учителем в Майне. Будучи бездетными, Зефировы взяли на воспитание осиротевших Владимира и Михаила Цветковых. Того Михаила, кому в Тагае стоит памятник.
В 70-м году Селиванов в районной газете приведет отрывок из воспоминаний Зефирова: «Более полувека я был учителем. Через мои руки прошли тысячи молодых людей. Однако такого хозяйственного,

отзывчивого, жадного на физический труд, каким являлся в школе Ваня Полбин, я не встречал. Это была моя правая рука. На него я надеялся, как на себя самого».
В его струнном оркестре будет играть на балалайке Миша Елисов, будущий генерал. Для каждого из них директор Зефиров останется примером на всю жизнь. Посмотрите на снимок. Это конец сороковых. Федор Николаевич - классный руководитель 8-го класса. Ему уже почти семьдесят: его неизменные усы аккуратно подстрижены, обувь идеально начищена. Он, как обычно, приветлив, добр, невозмутим.
В 49-м большая группа учителей получает правительственные награды. В Игнатовском районе трое получают высшую награду -орден Ленина. Двое из них - из Карлинской школы. Директор Селиванов и учитель Зефиров. Сын пономаря, окончивший всего-навсего духовную семинарию, к тому же слабый в марксистской идеологии. Значит, велики были его заслуги.
Кто помнит о нем? Ученики, конечно, но их уже мало. В 56-м- он закончил работать.
Уже не зовут Зефировым мост и колодец, о которых он бережно заботился.
До революции не было званий заслуженного или народного учителя. Но была одна удивительная награда. Высочайшим указом разрешалось в классной комнате вывешивать портрет Учителя.
Может, и мы вернемся когда-либо к забытому? И взгляд, мудрый взгляд строгих глаз Федора Николаевича затронет души и сердца учеников и учителей, живущих в XX| веке.